

DOI 10.26105/SSPU.2023.82.1.003

УДК 316.346.32-053.6

ББК 60.56

Е.Н. НАРХОВА,
Д.Ю. НАРХОВ,
Д.Н. ТРУБАРЕВА

**НАЦИОНАЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ
В ВОСПИТАТЕЛЬНОМ ПОТЕНЦИАЛЕ
ЦИФРОВОГО СОЦИОКУЛЬТУРНОГО
ПРОСТРАНСТВА СТУДЕНЧЕСТВА**

E.N. NARKHOVA,
D.YU. NARKHOV,
D.N. TRUBAREVA

**NATIONAL TRADITIONS
IN THE EDUCATIONAL POTENTIAL
OF THE DIGITAL SOCIO-CULTURAL SPACE
OF STUDENTS**

При подготовке статьи использованы материалы, полученные при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31274 «Социальная активность студенчества Среднего Урала в условиях транзита к цифровой общности».

Исследуются механизмы формирования ценностей национальной культуры современного студенчества, рассматриваются элементы воспитательного потенциала «оцифрованного» и реального социокультурного пространства. Анализируются символы современного кинематографа. Отмечается трансформация глубинных смыслов российской национальной символики в западной кинопродукции, обретение новых символов в современной российской анимации. На материалах массовых анкетных опросов и контент-анализа персональных страниц студентов в социальных сетях 2020–2022 гг. раскрываются характеристики социального взаимодействия как в самой общности, так и с общностью преподавателей: отношение к взаимодействию с помощью гаджетов, изменения в структуре личных контактов в реальном мире и в социальных сетях, продолжительность и формы контактов. Как значимый фактор динамики цифровизации культуры студенческой общности принимается во внимание длительная самоизоляция в период пандемии. Выявлены предпочтения студентов в мировом и российском киноискусстве. Показан значительный деструктивный потенциал выбранных студентами образцов западного кинопроката, воспитательный потенциал современного российского кино. Фиксируется исчезновение четкой пространственной локализации слоев актуальной культуры и возникновение эффекта их коллаборации как по форме, так и по содержанию. Делаются выводы значительной роли цифрового контента в формировании культурных предпочтений, системы ценностей современной студенческой молодежи, общностной солидарности и системы общностных действий. Обосновывается недостаточная роль общности преподавателей вузов в сетевом взаимодействии со студентами, что снижает возможности передачи культурного капитала между общностями.

The mechanisms of the formation of the values of the national culture of modern students are studied, the elements of the educational potential of the “digitized” and real socio-cultural space are considered. The symbols of modern cinema are analyzed. The transformation of the deep meanings of Russian national symbols in Western film production, the acquisition of new symbols in modern Russian animation is noted. Based on the materials of mass questionnaire surveys and content analysis of students’ personal pages in social networks in 2020–2022 the characteristics of social interaction both in the community itself and with the community of

teachers are revealed: attitude to interaction with the help of gadgets, changes in the structure of personal contacts in the real world and in social networks, duration and forms of contacts. As a significant factor in the dynamics of digitalization of the culture of the student community, long-term self-isolation during the pandemic is taken into account. The preferences of students in the world and Russian cinematography are revealed. The significant destructive potential of samples of Western film distribution chosen by students, the educational potential of modern Russian cinema are shown. The disappearance of a clear spatial localization of the layers of the actual culture and the emergence of the effect of their collaboration both in form and content are recorded. Conclusions are drawn about the significant role of digital content in the formation of cultural preferences, the value system of modern student youth, community solidarity and the system of community actions. The insufficient role of the community of university teachers in network interaction with students is substantiated, which reduces the possibility of transferring cultural capital between communities.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: актуальная культура; национальные традиции; воспитательный потенциал; социокультурное пространство; цифровизация; студенчество; общность преподавателей.

KEY WORDS. Actual culture; national traditions; educational potential; sociocultural space; digitalization; students; community of teachers.

ВВЕДЕНИЕ. Социетальный кризис 1990-х годов с последующими преобразованиями общества трансформировал российское социокультурное пространство. Доказывая необходимость сохранения «исторической преемственности, потенциал русской культуры, содержащий смыслы и ценности жизненной организации русского человека, воспитания и обучения» [4, с. 26], отечественные социологи отмечают, что «начиная с 1991 года в российском социокультурном пространстве идет активный процесс внедрения в сознание российской молодежи ценностей западной культуры, ориентированных, прямо или косвенно на полное разрушение традиционных ценностей культуры России» [4, с. 26].

Воспитательный потенциал социокультурного пространства формирует систему взглядов и идей, мировоззренческие установки, определяющие социальную позицию, степень активности тех или иных групп в соответствии с совпадением их субъектного пространства с доминирующими идеями социума. Идеологический плюрализм маскирует противоположные идеологические конструкты, заменяя базовые культурные символы. Антагонистический Западу коллективистский тип культуры неразрывно связан с доминированием позиции принадлежности, консолидации, взаимопомощи и единении для достижения общих целей. Групповое членство имеет основополагающее значение для коллективистических культур. Они воспитывают социальную идентичность, тогда как индивидуалистические культуры Запады основаны на идеях самоактуализации, самореализации как терминальных ценностях. Неклассический взгляд на социокультурную действительность ориентируется на новые регуляторы, такие, как: «плюрализм, полиэкранность, синергизм, дополнительность, релятивизм, нелинейность» [7]. Сказывается реакция на «идейность», «идеологичность» классического мировидения. В постмодернизме выражено понимание, что все ужасы жизни не так страшны, как выдуманные совестью и разумом идеи. И это заставляет подвергнуть дешифровке любые общепринятые смыслы. Многовекторность, разнообразие форм и направленность на конкретные социальные структуры постмодернизма противостоят стремлению к глобальным проектам и трансформациям, реализующимся сверху и за счет тех, кто не имеет возможности изложить свою точку зрения. Все это создает общий фон, культурную картину мира — систему образов, представлений, знаний об устройстве мира и месте человека в этом мире [9, с. 38] — на котором формируется актуальная культура современной молодежи. Культурный полиморфизм задает вариабельность личности. С одной стороны,

молодым поколением воспроизводятся традиционные ценности национальной культуры, создавая эффект «поколенческой аритмии», возврата к не востребовавшимся в 1990-х годах нормам. С другой стороны, выявленная исследователями тенденция укрепления космополитичных взглядов сопровождается скептическим, безразличным или негативным восприятием и отношением к традиционным российским ценностям и «создает угрозу социальной эксклюзии студенчества... В роли привлекательного ориентира выступает европейское сообщество» [8, с. 114].

Формирование на основе развития IT-технологий открытого информационного пространства отразилось на социокультурном пространстве актуальной культуры молодого поколения самым непосредственным образом. Потенциал студенческой молодежи с его высокой степенью адаптации к динамике общественной жизни, мотивации к изменению окружающего пространства, способностью к использованию цифровых технологий является ресурсом общества при определенных условиях преобразованный в социальный капитал общества. Одним из факторов, обеспечивающих реализацию данной задачи, представляется формирование безопасной в различных аспектах социокультурной среды. В неоднозначной ситуации глобализационных изменений кибербезопасность дополняется социокультурной, смещая акценты с технологических проблем безопасности в область содержания контента, что и актуализирует проблемы формирования культуры безопасности в различных контекстах — технико-технологическом и социокультурном в системе взаимосвязи человека с информационной средой, влияющей на ценности, мировоззренческие ориентиры, жизненную позицию. Отмечая транзитивность современного российского общества, исследователи государственной молодежной политики подчеркивают, что группой риска в этих условиях смысловой полистилистичности, мировоззренческого идеологического плюрализма является молодежь. «Нежелание представителей молодежи идентифицировать себя как гражданина своей страны угрожает развитием аномийных процессов в обществе» [8, с. 108].

С этих позиций представляется необходимым выявление воспитательного потенциала «оцифрованного» и реального социокультурного пространства, которое актуализируется в двух аспектах: тактическом — в связи с гражданской позицией, социальной активностью студентов и стратегическом, связанным с тенденциями и перспективами существования общества. «Не только социетальные изменения порождают культурные сдвиги, но и сама культура, как известно, становится фактором их изменений, демонстрируя взаимообусловленность предпочтений молодежи и происходящих социокультурных перемен...» [5, с. 173].

ЦЕЛЬ — вскрыть механизмы формирования ценностей национальной культуры современного студенчества под воздействием «оцифрованного» и реального социокультурного пространства средствами киноискусства. Задачи: выявить процессы трансформации глубинных смыслов российской национальной символики в западной кинопродукции и обретение новых символов в современной российской анимации; выяснить структуру «мира кино» в социокультурном пространстве студенчества и оценить его воспитательный потенциал в трансляции национальных традиций российского социума, а также возможности преподавателей вузов при взаимодействии в социальных сетях.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Теоретическим основанием выступают социокультурный подход, представления о многомерности молодежи [14, с. 31–32], теория самоорганизации молодежи [6], общностный, деятельностный, социокультурный и сетевой подходы.

Эмпирические данные получены в ходе двухэтапного полевого исследования с высокой степенью репрезентативности для студенчества Свердловской области в целом. Первый этап — трехступенчатый квотный анкетный опрос в смешанной форме (раздаточная и электронная), ноябрь — декабрь 2020 г. Общее число респондентов — 2573, 82% — бакалавры, 12% — студенты специалитета, 6% — магистранты, 62% девушек, 38% юношей из 16 го-

ловных вузов Свердловской области. Второй этап — контент-анализ персональных страниц социальной сети «В контакте» студентов 19 вузов Свердловской области по квотной выборке (N=368, мужчин 52%, женщин 48%, бакалавров 54%, специалистов 8%, магистрантов 19%). Также были использованы материалы серии неструктурированных интервью со студентами о состоянии и перспективах функционирования социальных институтов культуры. Основание для квотирования — численность студентов в вузе.

Для дополнительной верификации данных использованы материалы опросов «Гаджетозависимость у студентов технических и медицинских направлений подготовки: медицинские и социальные аспекты» (январь-март 2022 г., электронное анкетирование, N=1148, вузы Екатеринбург, мужчины — 47%, женщины — 53%, студенты-медики — 39%; студенты инженерно-технических направлений — 61% в массиве) и разведывательного исследования «Последствия цифровизации и влияния пандемии на студенческую жизнь» (февраль-март 2022 г., смешанное электронное и традиционное раздаточное анкетирование, N=102, студенты инженерно-технического, общественного и медицинского направлений, вузы Екатеринбург). Математическая обработка материалов осуществлена с помощью пакета прикладных программ VORTEX.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ. Национальная культура, аккумулируя социальный опыт взаимодействия, транслирует его от поколения к поколению в виде традиций, ценностных ориентаций, экзистенциальных установок, обеспечивая интеграцию общества, предоставляя личности возможность сделать одобряемый социумом выбор жизненной стратегии. Воспроизведение содержания социально-исторического опыта нации в индивидуально-личностном зависит от функционирования социальных институтов общества. Искусство и наука транслируют социокультурные нормы, регулирующие отношения в обществе, через создание образов, «идеальных типов», поскольку являются видами духовного производства. Обеспечивающая единение, социальный порядок и целостность культурная трансмиссия (т.е. механизм наследования культуры определенной социальной группы) становится основанием существования нации. Вертикальная трансмиссия, в процессе которой от родителей к детям передаются культурные ценности, умения, обычаи, религиозные устои, в современных условиях замещается горизонтальной — дети осваивают культурные традиции в общении со сверстниками. Уровень соответствия ценностных ориентаций личности и системы ценностей конкретной субкультуры (социальной группы) порождает различное отношение ее участников к сложившейся системе мировоззрений — от индифферентного до неприятия и недоверия. В условиях идеологического плюрализма меняются не только художественные предпочтения и потребности, но и система ценностных координат. Взаимобусловленность системы ценностных координат молодежи и «конструирования социальной реальности» [7, с. 3] доказывается в целом ряде исследования ИСПИ РАН.

Воспитательный потенциал социокультурного пространства анализируется в трудах классиков социологии, культурологии. Анализ специфики формирования культурно-исторических типов в эпохальном труде Н. Я. Данилевского «Россия и Европа» (1869 год) убедительно доказывает, что «все искусства, как и другие проявления человеческого духа, носят на себе отпечаток национального» [3, с. 132-133]. Специфические картины мира присутствуют в качестве смыслового фона в произведениях искусства любого народа. Искусство каждой нации использует вполне определенные символы.

Национально-культурные традиции, символы культуры обеспечивают взаимопонимание и взаимодействие всех представителей общества. Ядро национальной культуры, сформированное на протяжении длительного времени, обеспечивает охранение целостности государства и место России в мировом сообществе. «Внешний узор» художественных потребностей определяется идеологией государства и его политикой, направленной

либо на интеграцию, либо «исторически сложившиеся духовно-нравственные ценности, являющиеся основой русской культуры, постоянно подвергаются извращенным формам различных провокаций со сцен государственных театров, кино и телевидения» [4, с. 31]. Говоря о социокультурном пространстве, стоит отметить, что у классика П. Сорокина его структура объединяла три компонента: а) значения, ценности и нормы; б) проводники и в) человеческие агенты [11, с. 160].

Информационное общество внесло существенные изменения во все три компонента: технологическая революция повлекла информационный взрыв, т.е. качественное и количественное изменение информации; формирование цифровых личностей (а точнее — аватаров, их представляющих) и цифровых общностей, включая и студенческую (об этом мы писали: [10]), креативная деятельность которых существенным образом перекроила технологии формирования смыслов, ценностей и норм, что особенно заметно в молодежной общности [5].

Для российской молодежи в целом киноискусство является формой пассивного отдыха (интересуются в разной степени 83,1%, занимаются — 2.2., не интересуются — 14,7%) [5, с. 181]. Оно, по расчетам цитируемых исследователей, занимает третье место по значимости после общения с друзьями и единением с природой. Очевидно, что создаваемое средствами компьютерной графики с элементами анимации, с цифровым звуком современное кино, равно как качественная оцифровка ранее снятых на пленку киношедевров привлекает молодежь эффектом дополненной реальности, «внутреннего проникновения» в канву сюжета, а потому и силой воздействия. И эта сила способна закреплять создаваемые смыслы и ценности в качестве традиций. Стоит согласиться с мнением авторов, что «ценностью становятся виды культуры и искусства, значение которых для молодого человека выходит за рамки конкретных ситуаций, распространяясь на жизнедеятельность в целом и приобретая обобщенный характер» [5, с. 186].

Исследовательский интерес с этой точки зрения реализации социальных функций кинематографа вызывает широко разрекламированная, снятая студией Дисней трилогия художественных фильмов «Богатыри» и серия мультипликационных фильмов о богатырях студии анимационного кино «Мельница». Очевидно, что возвращение в современном кинематографе национальных героев, символов национальной культуры после экспансии и доминирования художественных американских символов (Бэтмен, Человек-паук и пр.) вызвали большой интерес у публики.

Привлекательность художественных фильмов студии Дисней обеспечивается техническим качеством съемок, харизматичностью актеров, разнообразием красивых ландшафтов, включением современных элементов массовой культуры в очень тонкой юмористической подаче (абсолютная степень влияния творчества С. Михайлова на женщин, исполнение Иваном его песни в киноленте «Последний богатырь», режиссер Д. Дьяченко). Однако привлекательные с точки зрения формы фильмы диснеевской студии вызывают вопросы с содержательной точки зрения функционирования механизма культурной трансмиссии. Для понимания данного процесса необходимо обратиться к понятию культурных архетипов, выступающих в качестве базисных элементов культуры и формирующих паттерны духовной жизни нации. Генезис культурных архетипов происходит на уровне культуры всего человечества и культуры крупных исторических общностей в процессе систематизации и упрощения (схематизации) культурного опыта. Их содержание объективно и трансперсонально, поскольку оно аккумулирует типическое в культуре.

Как результат, на уровне индивида отчетливо не осознается сопричастность к культурным архетипам, а воспроизведение архетипа конкретной личностью выступает непреднамеренным актом. В культуре архетипы выступают в качестве спонтанно действующих устойчивых структур обработки, хранения и репрезентации коллективного опыта. Сохраняя

и репродуцируя коллективный опыт культурогенеза, они обеспечивают преемственность и единство общекультурного развития.

Мировосприятие изначально базировалось на бинарных оппозициях — душа — тело, свет — тень, добро — зло, любовь — ненависть, мужчина — женщина и т.д., составляющих ядро мифотворчества. Закрепляя в архетипах общие закономерности мироздания, миф формирует и связывает коллективное бессознательное с сознанием человека, выступают как способ организации восприятия информации. Отметим, что наличие и активное использование этнокультурных архетипов является важным условием сохранения целостности и уникальности национальной культуры, поскольку в сжатом виде содержат исторический опыт прежних поколений. Процесс инкультурации осуществляется с момента рождения — в ходе повседневного вхождения в определенную этническую культуру, в котором культурные архетипы формируют «систему координат» мировоззренческих установок. «Слово богатырь вошло в нашу жизнь как мера оценки людей в беспредельном проявлении их возможностей и лучших качеств» [1, с. 7]. В традициях российской национальной культуры благородство, великодушие, честность являются основополагающими характеристиками богатырей, их нравственным императивом. Борьба с любыми проявлениями зла, насилия, несправедливости осуществлялась в совместной деятельности, что породило особый тип отношений. В былинном эпосе отношения духовного братства играют существенную роль. Синергетический эффект достижения целей обеспечивала взаимопомощь в совместной деятельности. «Между героями эпоса соблюдаются величаво-этикетные отношения» [1, с. 12].

Каждая культура имеет уникальную конфигурацию внутрикультурных элементов, специфическую базовую структуру характера передающуюся из поколения в поколение и определяющей историю данного народа [15]. Культурная конфигурация является следствием уникального исторического процесса, формирующая необходимый специфический тип личности. Былинные богатыри как архетипы культуры воплощают результат чувственно-эмоционального и рационального опыта предков, оптимальной организации жизнедеятельности общества. Совокупность духовных ценностей, мировоззренческих установок, социальных норм, передаваемых из поколения в поколение, обеспечивает интегративную функцию, определяемую идеологией общества.

Этнокультурные архетипы в серии мультипликационных фильмов о богатырях студии анимационного кино «Мельница» представляют собой константы национальной духовности, особенности мировоззрения, национального характера. В образах мультипликационных богатырей, их жен, родственников представлен коллективный опыт народа, результат превращения этнической истории в базовые модели этнического культурного опыта. Задолго до действительного объединения русских земель идея единства Руси получила художественное воплощение в былинах.

Мотивом их деятельности является любовь к Родине и людям, воплощаемая в функции защиты «В основе безопасности, могущества и славы Русской земли лежит деятельность богатырей» [1, с. 8]. Именно культурный код нации аккумулирует опыт предков, закрепляя в образах и архетипах рациональный способ организации взаимодействия. Архетип — интегративная схема, аккумулирующая чувственно-эмоциональный и рациональный опыт человечества. В них отражена рациональная технология организации миропорядка.

Однако архетип многозначен и упрощен. Схема символ — значение в нем не работает. В диснеевских фильмах происходит интерпретация классических архетипов русской культуры, подмена традиционных характеристик национальных символов. На благородные поступки способен символ зла — Кощей, а богатыри озабочены поиском славы (Финист), лидерством, властью (Добрыня). Альтруизм меняется на эгоистическую позицию, что иллюстрирует антагонистические противоречия разных типов социального устройства и мировоз-

зренческих констант. Отношения богатырей строятся на соперничестве, а не содружестве, внешне это формы неуважительного отношения, оскорбительных шуток, негативных оценок, подтрунивания и т.д. Если образы Финиста и Добрыни в интерпретации Диснеевской студии абсолютно антагонистичны традиционным образам российских богатырей, то образ Ивана маргинален, противоречив и неоднозначен. С одной стороны, в отношениях с близкими он не всегда честен, может быть бестактен, «покинуть поле боя», оставив товарищей в беде, тактические цели оправдывают средства.

Однако, этот образ харизматичен по форме, по содержанию включает элементы ценностных ориентаций разных систем, полностью не принадлежа ни одной из них. Маргинальная этническая идентичность Ивана объясняет и его внутриличностные конфликты. Представляется, что на социальном уровне амбивалентность образа Ивана способствует разрушению культурного кода в привлекательной форме.

Архетип для коллективного сознания — это инструмент познания окружающей действительности, ее сегментации, маркирования и идентификации. При взаимодействии человека с чужой культурой иного народа возможно принятие различий, адаптация к культурным различиям, способность не только их признавать, но и действовать соответствующим образом.

Связь между личностью и ее социальным окружением оказывается диалектически-тесной: через искусство, творчество передается социокультурный опыт, который становится ядром воспитательного эффекта среды. «Повсеместные дискуссии о роли духовно-нравственной культуры и традиционных ценностях в воспитании молодежи показывают необходимость разработки новых подходов в реализации государственной молодежной политики» [4, с. 29]. Базовая (наиболее представленная в социуме и являющаяся адептом социокультурных установок) личность формируется двумя основными механизмами: проекцией качеств окружающих людей на конкретного индивида; адаптации индивида к своему непосредственному окружению.

Культурное пространство может выполнять собирательную функцию, способствовать объединению и сплочению нации, государства, всех социальных сил. Но вероятна и другая модель, когда оно уменьшает силы притяжения между регионами, делая их обособленными и замкнутыми. Эта «рассеивающая» функция культуры значительно ослабляет и тормозит возможность интеграции народов, их стремление к взаимопониманию. Смена соотношения и согласования механизмов вертикальной и горизонтальной культурной трансмиссии определяется функционированием институтов первичной и вторичной социализации, определяющих базовую личность.

Агрессивное проникновение внешних культур всегда сопровождается комплексом перемен, закрепляющихся на более или менее длительный исторический период. Часть заимствованных культурных артефактов со временем переносятся в разряд собственных достижений. Инокультурные вторжения в силу целостности культуры влекут за собой изменения в образах мысли и жизни, создавая новые черты в облике человека. В новой ситуации общество по-разному реагирует на давление вторгающейся (зачастую более мощной) культуры — от абсолютного принятия нового и всеобщего восхищения до агрессивного раздражения, осуждения и отторжения.

Как результат, инокультура детерминирует значительные перемены, меняя систему ценностей, вытесняя собственную культуру на второй план. В итоге это приводит к утрате связи с историческими корнями, отчуждению и смене смысло-жизненных ориентиров. Результат трансформации социокультурного пространства с неизбежностью сопровождается трансформацией мировоззренческих констант, в первую очередь, терминальных ценностей.

Социокультурные основания молодежных субкультур, объединений и солидарностей определяются через базовые системы ценностей, цифровую компетентность, художествен-

ные интересы. Культура трансформирует социальный опыт поколений в индивидуальный опыт. В процессе ее воспроизводства происходит формирование индивидуальности человека через отбор, освоение и интерпретацию доступных ему ценностей культуры из всего предоставленного многообразия смыслов, видов, форм и т. д.

Важно отметить, что уровень освоения и способы интерпретации могут существенно отличаться в зависимости от конкретной социокультурной ситуации. Горизонтальная трансмиссия в «виртуальной реальности» значительно дополняет вертикальную, формируя молодежные субкультуры. Для студенчества XXI века, с детства погруженного в интернет-среду, ярко проявляется смена парадигмы культурного освоения мира — смещение акцентов от реальных объектов культуры к их цифровым симулякрам, далеко не всегда «идентичным натуральным», и переход к созданию собственной виртуальной культуры, вытесняющей и замещающей культуру реальную. Наблюдается «киберпротезирование социально-культурной активности... отказ от ценностной иерархии, переход от материального артефакта к процессу, состоянию, жесту...» [12, с. 743].

Передача и потребление культурного капитала у студентов происходит чаще всего в свободное время. Именно деятельность «свободного времени» (саморазвитие, досуг и любовь) чаще всего была оценена как очень значимая в цифровом взаимодействии (табл. 1). Очевидно, что большая часть таких взаимодействий ограничена собственной общностью — сверстниками из числа студентов и бывших одноклассников.

Таблица 1. Оценка значимости контактов в социальных сетях с друзьями из других городов, % от группы, 2020 г., альтернативный вопрос

Варианты ответов	Очень значимы	Не очень	Почти не значимы
Для учебы	32	29	39
Для научной работы	13	32	55
Для профессионализации	17	35	48
Для саморазвития	50	30	20
Для досуга	69	19	12
Для любви	37	27	36

Однако период вынужденной самоизоляции внес существенные коррективы в круг общения с другими вузовскими сообществами, в том числе и преподавателями, которые на протяжении последних десятилетий фактически в одиночку выполняли культурообразующие и культуронаправляющие функции в образовательном пространстве вузов.

По оценкам студентов 2020 г., в составе друзей в реальной жизни у каждого пятого были его преподаватели, а в социальных сетях преподаватели были в друзьях у 40% респондентов.

Однако контакты в социальных сетях не отличались значительной интенсивностью: постоянно взаимодействовали только 6% респондентов, каждый четвертый отметил вариант «часто», в то время как вариант «редко» выбрали 56% участников опроса, и еще 12% указали, что не взаимодействуют с преподавателями в социальных сетях.

При этом тематика контактов в значительной мере ограничена учебой и получаемой профессией (таблица 2). Получить какой-либо внеучебный (внепрофессиональный) контент от преподавателей может лишь каждый пятый из опрошенных респондентов. Как видно, в силу невысокой степени интенсивности и ограниченных направлений взаимодействий с преподавателями в социальных сетях, этот весьма мощный канал распространения ценностей национальной культуры оказался не самым успешным.

Таблица 2. **Оценка тематики контактов с преподавателями в социальных сетях, % опрошенных, 2020 г., поливариантный вопрос**

Варианты ответов	%
Только по учебе	65
По учебе и по профессии	26
И по учебе, и как друзья в разных жизненных ситуациях	9
Только когда мне нужна помощь, поддержка в трудной ситуации	6
Можем просто поболтать, обменяться музыкой, фильмами и так далее	3
Свой вариант	1
Пропуски (включая не имеющих друзей из числа преподавателей)	12

Длительность нахождения в интернете — важный индикатор общения с цифровой культурой, в 2022 г. для 70% это значение превышало 5 часов в день, для каждого четвертого респондента находилось в промежутке от 3 до 5 часов. Впрочем, чаще всего время в интернете тратится на общение с друзьями (разведывательное исследование, поливариантный вопрос) — отметили 96% респондентов, прослушивание музыки (89%) — фактически в фоновом режиме, учебу и поиск учебной информации — 79%, онлайн-покупки (78%). Просмотр видео занимает в этом ряду 5-е место с 77% ответов респондентов. Примечательно, что работу в онлайн формате отметили 55% респондентов, в то время как заняты работой в разной степени 68%, т. е. лишь для 13% работающих (или подрабатывающих) студентов она не связана с цифровым пространством.

Обращаясь к изучению механизмов формирования национальной идентичности, отмечаем значимость именно этой формы идентичности, поскольку она является необходимым условием актуализации гражданской позиции, сохранения молодого поколения как социального ресурсного слоя и его интеллектуального авангарда как идеолога.

Гражданская идентификация, как и любовь к Родине, формируется через систему представлений, взглядов, убеждений, вселяющих уверенность в значимости личностной деятельности для государства, в его способности создать необходимое качество жизни, защитить интересы отдельного человека. И одним из самых действенных инструментов были и будут экранные образы. Кинематограф располагает значительным потенциалом и разнообразным инструментарием воздействия на индивида от момента своего появления. Киноискусство как явление массовой культуры дополняется трендами киноиндустрии, обусловленными этапами развития общества, социальной ситуацией и, что немаловажно, культурной политикой государства. «Политические деятели увидели в кинематографе мощный инструмент воздействия на массы в желательном для себя направлении» [13, с. 81].

Отметим, что современные цифровые технологии меняют формат и способы освоения культурных образцов, приводят к тому, что из социокультурного контекста молодежи исчезают нецифрованные произведения культуры. Классика киноиндустрии подвергается интенсивной цифровой реставрации (и достаточно часто и изменению в виде, например, колоризации, что существенным образом меняет восприятие экранного образа). И с этой точки зрения представляется выжным выяснить, что именно откладывается в сознании студенчества. В опросе 2020 г. на открытый вопрос о значимых современных мировых произведениях, было получено 130 наименований. Первая двадцатка произведений, названная студентами в 2020 г. как наиболее запомнившиеся, выглядит следующим образом, группы по убыванию:

1. Серия фильмов о Гарри Поттере (2001–2011).

2. Фильмы режиссера К. Нолана «Начало» (2010 г.) и «Интерстеллар» (2014), «Голодные игры: Сойка-пересмешница» (2014, режиссер Френсис Лоуренс)
3. Мультфильмы студии Дисней; медиафраншиза «Звездные войны» (реж. Дж. Лукас, 11 фильмов в ядре).
4. Группа из 11 произведений, среди которых названы мультфильмы Х. Миядзаки, фильмы «451 градус по фаренгейту» (2018, режиссёр Рамин Бахрани), «До встречи с тобой» (2016 г., режиссер Т. Шэррок), «Зелёная книга» (2018, режиссер П. Фаррелли), «Сияние» (1980, П. Кубрик), «После» (2019, режиссер Дж. Гейдж), «1+1» (2011, режисер О. Накаш); телесериалы «Игра престолов» (2011–2019 гг., создатели Д. Бениофф и Д. Б. Уайсс), «Джокер» (2019, режиссер Т. Филлипс) и «Ведьмак» (2019, Л.Ш. Хиссрих).
5. Самая многочисленная (более 90 наименований) группа, включает единичные упоминания. Как видно, по место производства их большая часть — англо-американские произведения, по жанру — фантастика (фэнтези, космическая сага, триллер и т.д.) с элементами эпики, войн и ужаса, классический фильм ужасов и мелодрамы с элементами мистики. «Воспитательный потенциал» этого набора очевиден, хотя и не лежит на поверхности.

Ответы на аналогичный вопрос, касающийся современных российских произведений, оказались более дисперсными. Всего было названо 95 произведений, которые можно объединить по частоте упоминаний в три группы.

1. Фильмы «Дурак» (2014, режиссер Ю. Быков), «Движение вверх» (2017, режиссер А. Е. Мегердичев), «Лед» (2018, режиссер О. Б. Трофим), телесериал «Зулейха открывает глаза» (2020, создатель Г. Ш. Яхина), трейлер «Метро 2033» (ориентировочно выйдет в январе 2024 г., режиссер Е. Г. Баранов).
2. Фильмы «Легенда № 17» (2013, режиссер Н. И. Лебедев), «Салют-7» (2017, режиссер К. А. Шипенко), «Ночной дозор» (2004, Т. Н. Бекманбетов), «Брат», «Брат-2» (1997, 2000 режиссер А. О. Балабанов). Здесь наблюдается разнонаправленная тенденция: с одной стороны, фильмы, ориентированные на западные стандарты, с другой — «новое российское кино», нацеленное на формирование российской идентичности, воспитание чувства гордости за свой народ, своих героев, свою страну и, что важно, нашедшее своего молодого зрителя.
3. Группа состоит из произведений, названных один раз, таковых оказалось более 70. Однако здесь мы находим практически все картины «с высоким воспитательным потенциалом», вышедшие в последние десятилетия. Это: «Экипаж» (2016, режиссер Н. И. Лебедев), «Двадцать восемь панфиловцев» (2016, режиссер А. Г. Шальпа), «Т-34» (2018, режиссер А. И. Сидоров), «Мы из будущего» (2008, режиссер А. И. Малюков), «Легенда острова Двид» (2010, режиссер А. Н. Мамедов, по повести В. П. Крапивина «Дети синего фламинго»), «Битва за Севастополь» (2015, режиссер С. Е. Мокрицкий), «Холоп» (2019, режиссер К. А. Шипенко) и другие. Также названы мультфильмы студии «Мельница», советские кинокомедии, мультипликационный сериал «Смешарики» (с 2004 г. по наст. время, 321 серия). Вместе с тем, к современному российскому кино студенты отнесли ряд произведений иностранного производства. В частности, это диснеевский «Горбун из Нотр-Дама» (1996, режиссеры Г. Труздейл и К. Уайз), короткометражный фильм «Сахарный ребенок» (1917 — SIC!, режиссер А. Э. Джиллстром. Возможно также, что респондент имел ввиду видео с записью одноименной аудиокниги О. Громовой, размещенной на хостинге Ютуб [2]) — еще одно проявление «смещения слоев» актуальной культуры современной молодежи, происходящее под воздействием цифровизации социокультурного пространства.

Наличие «цифрового посредника» в освоении кинокультуры, в коммуникации и в социокультурном пространстве в принципе позволяет выделить еще одну важную тенденцию — продолжение и нарастание атомизации студенческой общности, недостаток «живого общения» при одновременном изменении в количестве и структуре контактов в цифровой среде. Об этом свидетельствуют данные опроса о том, какую форму освоения художественной культуры предпочитают студенты (таблица 3).

Чаще всего было высказано предпочтение индивидуальной форме, в то время как вместе с ближайшим окружением, а это родители и академическая группа, предпочитающих минимальное количество (даже с учетом второго в рейтинге варианта «все способы хороши»). Данная ситуация подтверждает нарастание тенденции к изменению в распределении в актуальной культуре студенчества слоев классической и современной, российской и западной культуры, увеличивается дисперсность, увеличения деиерархизации и деструктуризации социокультурного пространства студенчества под воздействием цифровизации социокультурной реальности.

Таблица 3. Предпочтительные способы освоения студентами художественной культуры, 2020 г, % опрошенных, альтернативный вопрос

Вариант ответа	%
Индивидуально	39
Все способы хороши	23
Вдвоем с другом (подругой)	17
Вместе, в кругу нескольких товарищей	12
Вместе, в художественных коллективах	4
Вместе, в академической группе	2
С родителями	2
Свой вариант	1

Таким образом, в цифровом пространстве фиксируется исчезновение выраженной пространственной локализации слоев актуальной культуры, возникает эффект их коллаборации как по форме, так и по содержанию. Этот процесс может являться основанием для возникновения и развития ситуации неопределенности в отношении ценностей национальной культуры.

ВЫВОДЫ. Доступность любого контента на основе цифровизации и конвергенции, развитие технологий поиска любых виртуальных данных способствует формированию у студенческой общности собственного виртуального социокультурного пространства, в котором интегрируются электронные версии ране созданного культурного наследия и артефакты виртуальной культуры.

Индивидуальный опыт студентов интериоризации культурных образцов в цифровом мире сегодня не менее значим, чем освоение реального социокультурного пространства. Через цифровую компетентность, использование возможностей цифровых платформ формируются культурные пристрастия, художественные предпочтения и системы ценностей современной студенческой молодежи, а на этой основе — и общностная солидарность, и система общностных действий. Цифровая культура студентов более ориентирована на технологическую и инструментальную составляющие, мировоззренческая компонента оказалась на протяжении многих лет отодвинутой на второй план.

При этом возможности основного актора, на которого возложена функция трансляции культуры в образовательном пространстве высшей школы, преподавательской общности,

в сетевом взаимодействии со студентами представляются существенно ограниченными. В условиях коллаборации слоев цифровой актуальной культуры, информационного противостояния и неопределенности необходим поиск новых механизмов взаимодействия вузовских сообществ в сетевых пространствах, которые были бы нацелены на активное приобщение студенчества к ценностям национальной культуры, на развитие у них аналитического потенциала.

Стоит присоединиться к мнению ведущих исследователей ИСПИ РАН, что «... вне возрождения истинных смыслов и ценностей российской культуры... будет невозможно сохранить российскую государственность, решить многие вопросы, связанные с ее многонациональной целостностью...» [4, с. 27].

ЛИТЕРАТУРА

1. Былины / Сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. Ф. М. Селиванова. М.: Сов. Россия, 1998. 570 с.
2. Громова О. Ольга Громова: Сахарный Ребёнок [видео]. URL: <https://clck.ru/s3uwv> (дата обращения 07.05.2022).
3. Данилевский Н.Я. Закат Европы. Россия и Европа; [Сост., послесл., коммент. С. А. Вайгачева]. М.: Книга, 1991. 573 с.
4. Егорычев А.М., Ростовская Т.К., Кретинин А.С. Духовность русской культуры как базовый фактор новой ГМП России // ЦИТИСЭ. № 1 (14). 2018. С. 26–29.
5. Зубок Ю.А., Чупров В.И. Культура в жизни молодежи: потребность, интерес, ценность // Вестник института социологии. 2018. Том 9. № 4. С. 170–191.
6. Зубок Ю.А., Чупров В.И. Саморегуляция смысложизненных ценностей в культурном пространстве молодежи // Вестник Института социологии. 2019. Том 10. № 4. С. 164–186.
7. Ильин В.В. Постклассическое обществознание: каким ему быть? // Социологические исследования. 1992. № 10. С. 39–42.
8. Магранов А.С., Деточенко Л.С. Гражданская идентичность современной студенческой молодежи: особенности и факторы трансформации // Социологические исследования. 2018. № 8. С. 108–116.
9. Мировоззрение и культура: сборник статей / под общ. ред. проф. В.В. Кима; Российское философское общество и др. Екатеринбург: Издательство «Банк культурной информации», 2002. 384 с.
10. Нархов Д.Ю., Нархова Е.Н., Шкурин Д.В. Динамика образовательной активности студенчества под воздействием цифровизации // Образование и наука. 2021. Т. 23. № 8. С. 147–188.
11. Ремизова М.Н. Интерпретация понятия «социокультурное пространство» в классической социологии // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2010. № 10. С. 158–162.
12. Савицкая Т.Е. Виртуальная Россия: новая социальная онтология, новый культурный праксис // Культура России, 2000-е годы: [сб. ст.] / Абанкина Т.В. и др.; отв. ред. Е.П. Костина. СПб.: Алетейя, 2012. С. 740–764.
13. Социология искусства: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности 050400 Театроведение / В.Н. Дмитриевский и др.; отв. ред.: В. С. Жидков, Т. А. Клявина. СПб.: Искусство-СПб, 2005. 477 с.
14. СТУДЕНТ 1995–2016 гг.: динамика социокультурного развития студенчества Среднего Урала. Монография / под общ. ред. Ю. Р. Вишневого. Екатеринбург: УрФУ, 2017. 904 с.
15. Benedict Ruth. Patterns of Culture (1934). Boston, New York, Houghton, Mifflin and Company, 260 p.

REFERENCES

1. *Byliny* [Epics]. Selivanova F.M. (Comp., entry. Art., prepared. texts and comments). 1998. M.: Publishing House Soviet Russia. 570 s. (In Russian).

2. Gromova O. *Ol'ga Gromova: Sakharnyy Rebonok* [Olga Gromova: Sugar Baby: video]. URL: <https://clck.ru/s3uwB> (data obrashheniya 07.05.2022).
3. Danilevsky N.Ya. *Zakat Yevropy. Rossiya i Yevropa* [Decline of Europe. Russia and Europe]. M.: Book PH, 1991. 573 s. (In Russian).
4. Egorychev A.M., Rostovskaya T.K. & Kretinin A.S. *Dukhovnost' russkoy kul'tury kak bazovyy faktor novoy GMP Rossii* [Spirituality of Russian culture as a basic factor of the new SYP of Russia] // TsITISE. 2018. No. 1. Vol. 14. S. 26–29. (In Russian).
5. Zubok Yu.A. & Chuprov V.I. *Kul'tura v zhizni molodezhi: potrebnost', interes, tsennost'* [Culture in the life of youth: need, interest, value] // Bulletin of the Institute of Sociology (Vestnik Instituta sotsiologii). 2018. Vol. 9. No. 4. S. 170–191. (In Russian).
6. Zubok Yu.A. & Chuprov V.I. *Samoregulyatsiya smyslozhiznennykh tsennostey v kul'turnom prostranstve molodozhi* [Self-regulation of meaningful life values in the cultural space of youth] // Bulletin of the Institute of Sociology (Vestnik Instituta sotsiologii). 2019. No. 4. Vol. 10. S. 164–186. (In Russian).
7. Ilyin V.V. *Postklassicheskoye obshchestvo: kakim yemu byt'?* [Postclassical social science: what should it be like?] // Sociological Studies. 1992. No. 10. S. 39–42. (In Russian).
8. Magranov A.S. & Detochenko L.S. *Grazhdanskaya identichnost' sovremennoy studencheskoy molodezhi: osobennosti i faktory transformatsii* [Civil identity of modern student youth: features and factors of transformation] // Sociological Studies. 2018. No. 8. S. 108–116. (In Russian).
9. Kim V.V. (ed.). *Mirovozzreniye i kul'tura* [Worldview and culture: collection of articles]. Russian Philosophical Society, etc. Yekaterinburg: Bank of Cultural Information, 2002. 384 s. (In Russian).
10. Narkhov D.Yu., Narkhova E.N. & Shkurin D.V. *Dinamika obrazovatel'noy aktivnosti studenchestva pod vozdeystviyem tsifrovizatsii* [Dynamics of educational activity of students under the influence of digitalization] // Obrazovanie i nauka. 2021. Vol. 23. No. 8. S. 147–188. (In Russian).
11. Remizova M.N. *Interpretatsiya ponyatiya «sotsiokul'turnoye prostranstvo» v klassicheskoy sotsiologii* [Interpretation of the concept of “sociocultural space” in classical sociology] // Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice. 2010. No. 10. S. 158–162. (In Russian).
12. Savitskaya T.E. *Virtual'naya Rossiya: novaya sotsial'naya ontologiya, novyy kul'turnyy praksis* [Virtual Russia: a new social ontology, a new cultural praxis] // Kul'tura Rossii, 2000-ye gody [Culture of Russia, 2000s] (Abankina T.V. and others; resp. ed. E.P. Kostina). St. Petersburg: Aleteyya, 2012. S. 740–764. (In Russian).
13. Dmitrievsky V.N. and others; Zhidkov V.S. & Klyavina T.A. (resp. ed.). *Sotsiologiya iskusstva: uchebnyk dlya studentov vuzov, obuchayushchikhsya po spetsial'nosti 050400 Teatrovedeniye* [Sociology of art: a textbook for university students studying in the specialty 050400 Theater Studies]. St. Petersburg: Art-SPb, 2005. 477 s. (In Russian).
14. Vishnevsky Yu.R. (ed.). *STUDENT 1995–2016 gg.: dinamika sotsiokul'turnogo razvitiya studenchestva Srednego Urala* [STUDENT 1995–2016: the dynamics of the socio-cultural development of students in the Middle Urals]. Monograph. Yekaterinburg: Ural federal university, 2017. 904 s. (In Russian).
15. Benedict Ruth. *Patterns of Culture*. Boston, New York, Houghton, Mifflin and Company, 1934. 260 p. (In English).